

Марфа-Посадница, или Покорение Новгорода — эпизод 19 из 19

Наконец железные запоры упали, и врата Борецких растворились: выходит Марфа в золотой одежде и в белом покрывале. Старец Феодосий несет образ пред нею. Бледная, но твердая Ксения ведет ее за руку. Копья и мечи окружают их. Не видно лица Марфы, но так величаво ходила она всегда по стогнам, когда чиновники ожидали ее в совете или граждане на Вече. Народ и воины соблюдали мертвое безмолвие, ужасная тишина царствовала; посадница остановилась пред домом Ярослава. Феодосий благословил ее. Она хотела обнять дочь свою, но Ксения упала; Марфа положила руку на сердце ее знаком изъявила удовольствие и спешила на высокий эшафот сорвала покрывало с головы своей: казалось томною, но спокойною с любопытством посмотрела на лобное место (где разбитый образ Вадимов лежал во прахе) взглянула на мрачное, облаками покрытое небо с величественным унынием опустила взор свой на граждан... приблизилась к орудию смерти и громко сказала народу: Подданные Иоанна! Умираю гражданкою новгородскою!.. Не стало Марфы... Многие невольно воскликнули от ужаса, другие закрыли глаза рукою. Тело посадницы одели черным покровом... Ударили в бубны и Холмский, держа в руке хартию, стал на бывшем Вадимовом месте. Бубны умолкли... Он снял пернатый шлем с головы своей и читал громогласно следующее:

Слава правосудию государя! Так гибнут виновники мятежа и кровопролития! Народ и бояре! Не ужасайтесь: Иоанн не нарушит слова; на вас милующая десница его. Кровь Борецкой примиряет вражду единоплеменных; одна жертва, необходимая для вашего спокойствия, навеки утверждает сей союз неразрывный. Отныне предадим забвению все минувшие бедствия; отныне вся земля русская будет вашим любезным отечеством, а государь великий отцом и главою. Народ! Не вольность, часто гибельная, но благоустройство, правосудие и безопасность суть три столпа гражданского счастья: Иоанн обещал их вам пред лицом бога всемогущего...

Тут князь московский явился на высоком крыльце Ярославова дому, безоружен и с главою открытою: он взирал на граждан с любовью и положил руку на сердце. Холмский читал далее:

Обещает России славу и благоденствие, клянется своим и всех его преемников именем, что польза народная во веки веков будет любезна и священна самодержцам российским или да накажет бог клятвопреступника! Да исчезнет род его, и новое, небом благословенное поколение да властвует на

троне ко счастью людей!3

Холмский надел шлем. Легионы княжеские зывали:

Слава и долголетие Иоанну! Народ еще безмолвствовал. Заиграли на трубах и в единое мгновение высокий эшафот разрушился. На месте его возвеялось белое знамя Иоанново, и граждане наконец воскликнули: Слава государю российскому!

Старец Феодосий снова удалился в пустыню и там, на берегу великого озера Ильмени, погреб тела Марфы и Ксении. Гости чужеземные вырыли для них могилу и на гробе изобразили буквы, которых смысл донине остается тайною. Из семи сот немецких граждан только пятьдесят человек пережили осаду новгородскую: они немедленно удалились во свои земли. Вечевой колокол был снят с древней башни и отвезен в Москву: народ и некоторые знаменитые граждане далеко провожали его. Они шли за ним с безмолвною горестию и слезами, как нежные дети за гробом отца своего.

В летописях сказано, что сын ее Димитрий был взят в плен.2

На сих хартиях (говорит автор) изображались славные дела усопшего.3

Род Иоаннов пресекался, и благословенная фамилия Романовых царствует.